

Двойной
детектив-бестселлер
от М. Серовой

СМ Марина СЕРОВА

ОТСЮДА
ТОЛЬКО НА НЕБО

НАСЛАЖДЕНИЕ
МЕСТЬЮ

ЭКСМО

Москва 2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 32

Оформление серии *Д. Сазонова*

Серова М. С.
С 32 Отсюда только на небо ; Наслаждение
местью : повести / Марина Серова. — М. : Эк-
смо, 2013. — 320 с.

ISBN 978-5-699-63134-6

«Отсюда только на небо»

Обвели Танечку вокруг пальца хитроумные сектанты... Частный детектив Татьяна Иванова с запоздалой тоской думала о том, что надо было предупредить кого-нибудь, когда она пошла в избу-молельню. Ведь только косматая ведьма провозгласила ее невестой Христа — все словно с ума посходили. Так вот зачем ее столь упорно зазывали в молельный дом: они задумали убить ее?! Выкручивайся теперь как знаешь. Тане удалось выскочить в сени. Но не тут-то было. Таню уже настигли и волокут обратно...

«Наслаждение местью»

Любой женщине приятно, когда симпатичный кавалер приглашает ее в ювелирный салон с предложением купить украшения. Частный детектив Татьяна Иванова тоже оказалась не исключением, но вместо новых сережек в салоне Таня приобрела клиентку Анжелу, умоляющую найти пропавшего мужа-археолога... Тот недавно вернулся из поездки в Египет, привез жене в подарок кольцо с огромным изумрудом в виде жука-скарабея. С этого священного оберега все и началось...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-63134-6

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ОТСЮДА
ТОЛЬКО НА НЕБО

ПРОЛОГ

— Отче наш, иже еси на небесех...

— Мама, мама!

— Цыц, бесовское отродье!.. Да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя яко на небеси, так и на земли...

— Ты, Дашка, не бойся. Мишка тетя-Любин говорил, это не страшно.

— ...Хлеб наш насущный даждь нам днесь...

— Мишки нет, Мишка в раю уже, и Машка, и Сонечка...

— И мы скоро будем — мамка обещала. Там яблоки знаешь какие большущие!.. Ты только не бойся.

— ...И остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго...

— Мам, темно как, — девчушка подергала мать за юбку. Та отмахнулась. — Пойдем домой, мне страшно.

— ...ныне, присно и во веки веков. Аминь. — Женщина глубоко вздохнула и повернулась к детям. — Ну, бесовское отродье, дайте, что ли, перекрещу вас! Станьте смирно. Дарья, придвинься к Митьке поближе. Да отцепись ты от меня, окаянная!

Девочка оставила в покое мамашину юбку и что есть силы сжала руку брата. Медленно, торжественно женщина «наложила кресты» на замерших перед ней малышей.

— С богом! Молитесь, грешники.

Дети послушно соединили ладошки и зашептали чуть слышно: «господи, Иисусе Христе...» Мать, крихтя, выдвинула откуда-то из темноты канистру с керосином.

— Мама, я боюсь, — всхлипнула девчушка.

— Молись, окаянная! — прикрикнула мать. — В аду гореть придется вам, грешным, за ослушание.

Крышка канистры отвинчивалась тяжело, со скрипом. Женщина устала.

— Ну, да — слава господу нашему, — произнесла, задыхаясь, — не увидите вы на земле ада, конца света не увидите. А там, глядишь, помилует вас господь, в рай пустит. Там хорошо, в раю-то. Яблочки там, хлебушек... Ангелы поют.

— И Машка поет?

— И Машка, — мамаша перевела дух. — Это тут она Машкой была, а в раю — раба божия Мария.

— А она тоже с крылышками, как ангелы?

— С крылышками, — подтвердила мать.

— А у меня отрастут? И у Мити?

— Молись, грешница! Ишь, разболталась!

— Господи, Иисусе Христе, сыне божий...

—...А мы гуляли, а мы не знали до поры до времени, где живем!..

Ночную тишину нарушили вопли магнитофона и нестройным хором подпевающей ему пьяной компании. Малыши испуганно прижались друг к другу. Девочка заплакала. Мать шикнула, зажала ей рот, зашипела зло:

— Молчи, окаянная!

Перед подъездом остановилось несколько иномарок. Музыка продолжала греметь. Певцу — не столько складно, сколько здорово — вторили «новые пролетарии» в автомобилях.

Народ не оценил. Некий дяденька в полосатой пижаме выскочил на балкон второго этажа и, стараясь

перекричать «Любэ» и «любителей», высказал все, что думает по поводу ночного концерта. Какая-то бабуса осторожно, в форточку, пообещала «нарушителям» вызвать милицию. На первом этаже распахнули окно; усатый лейтенантик выпрыгнул и, грозя «дебютантам» в машинах худеньким кулачком, исчез за углом — наверное, побежал искать ближайшее отделение стражей порядка; после чего окно сейчас же закрыли и даже погасили свет в комнате.

Из подъезда метнулась тень — и растворилась в темноте.

Наконец — под грохот музыки и нескладный вой пьяных — из ближайшей к подъезду машины, едва держась на ногах (от усталости, видимо), вышел мужчина. Открыл заднюю дверцу, галантно — насколько позволяло его неустойчивое положение — помог выйти даме.

— ...Значит, я остаюсь.

— Ни в коем разе, — возразила длинноногая блондинка, доставая из сумочки ключи.

На третьем этаже присвистнули.

— Хороша бабенка.

Мужчина покрутился на месте, показал невидимкам кулак и ласково взял под локоток свою леди. Сударыне, однако, сие проявление мужской заботы отчего-то не понравилось.

— Игорь, поезжай домой. Спокойной ночи.

— Но я же остаюсь!

— Ничего подобного.

— А кто обещал напоить меня кофе?

— В другой раз.

— А угостить сигаретой?

— Спокойной ночи, — проворковала блондинка и, чмокнув незадачливого кавалера в щеку, вошла в подъезд.

Мужчина тяжело вздохнул и направился к машине.

Глава 1

Я сидела перед телевизором с сигаретой в зубах. Причем потухшей сигаретой: зажигалка куда-то подевалась. Фильм дурацкий. И вообще очень хотелось спать. Зачем смотрела?

Звонок.

Кого принесло в такой час? Где-то тут, возле кресла, послушно ждали хозяйских ног комнатные тапочки. Сбежали. Придется шлепать босиком.

Экий нетерпеливый товарищ: опять звонит. Друг мой, войди в наше положение: мы без тапочек, мы смертельно устали... в общем, мы совсем не хотим открывать.

— Кто там?

— Я не там, я тут, — старательно выговаривая слова, ответили за дверью.

Пьянь какая-то.

— Послушайте, товарищ, — начала я, распахнув дверь... и не договорила.

Снегирев, солнышко! Сколько лет, сколько зим!

Был в моей жизни такой... эпизод. В Италию возил. Предлагал руку и сердце. Это когда я занималась делом об убийстве его друга, бизнесмена Субботина. Замуж я, естественно, не пошла, и наш роман потихоньку сошел на нет.

И вот — здравствуйте, пожалуйста! «Эпизод» собственной персоной. И в каком виде, мама родная!

Изобразила свинячий восторг.

— Игорь, как я рада! Так давно не виделись!

Еще бы столько же не видеться.

— Проходи, пожалуйста.

Что это я такая вежливая сегодня? Не к добру. «Эпизод», однако, старательно помотал головой и остался стоять на месте.

— Не... Я за тобой. Поехали.

— Куда? В такой час! Да ты с ума сошел.

— Не... Еще не поздно. Все открыто. У меня — дата. Поехали. Отметим.

— Какая дата? Ты уже наотмечался, тебе достаточно. Отправляйся лучше домой.

— Не... там люди ждут. Друзья и вообще... Анжела. Мы за тобой заехали.

Смотри-ка: даже адрес мой вспомнил по пьяной лавочке.

А кто такая Анжела? Ах да, снегиревская секретарочка, нечто юное, длинноногое и большеглазое. Значит, и она в сей пьяной компании?

— Собирайся.

Только меня там не хватает.

— Игорь, поверь, я очень устала, у меня нет ни малейшего желания...

— Верю. Поехали.

— Был тяжелый день...

— Облегчим, — успокоил навязчивый «эпизод».

...В конце концов мне надоело спорить и убеждать. Снегирев не желал ничего слушать. И наша с ним весьма содержательная беседа завершилась, как и должна была завершиться: я присоединилась к веселой компании, состоявшей из шестерых друзей-бизнесменов и одной секретарши.

Часа в три ночи меня — под вой и вопли пьяной компании, бездарно пародирующей бравое исполнение песен «Любэ», — доставили к родным пенатам.

Я благополучно отделалась от Снегирева; мило —

по-моему, очень мило — помахала рукой восхищенным господам бизнесменам и вошла в подъезд.

...Темень — хоть глаз выколи.

Боже мой, Танька, разве можно столько пить? Завтра проснешься с большой головой и кошмарным настроением. А тебе — как представителю гуманной профессии юриста — в любое время суток необходимы ясность мысли и твердость духа.

Ой, плывет все куда-то. Ну, «эпизод», припомню я тебе этот вечер.

Неужели до сих пор никто не догадался лампочку свернуть? Впрочем, кому это нужно? Все нормальные люди возвращаются домой засветло, а не под утро.

Где моя зажигалка? Вечно теряется. А, вот она. Теперь пропали сигареты. Кто съел мои сигареты?

...Закурила. Огонек зажигалки осветил два испуганных детских личика. От неожиданности я вздрогнула.

— Господи боже, детки! Раз детка, два детка. Я чуть было на вас не наступила. Вы зачем гуляете без взрослых в такое время? Деткам давно спать пора, а вы тут.

— Мы не гуляем, — сердито сказал мальчик.

— А что вы делаете?

— Мы должны подняться в рай.

— На крылышках, — пискнула девчушка.

— Высоко подниматься нельзя, — весьма рассудительно заметила я. — Можно упасть.

Мама родная, какая я пьяная!

— Знаете что? Пойдемте ко мне. Отдохнете, выспитесь, а завтра поднимайтесь куда хотите.

Не могу же я, в самом деле, оставить этих малюток одних в темном холодном подъезде — в три часа ночи.

— Пойдемте, орлята.

Что это мне взбрело в голову — назвала детей орлятами. Вспомнила счастливое пионерское детство.

Странная вы какая-то, драгоценнейшая Татьяна Александровна.

Да нет. Просто пьяная.

— Кофе хотите?

Дети переглянулись. Мальчик молча пожал плечами.

— Кофе, милые мои, есть напиток богов, — на всякий случай пояснила я. — Очень вкусно.

Девчушка сразу же оживилась, подергала брата — наверное, брата: дети похожи друг на друга — за рукав рубашки.

— Митя, ты слышал? Его боженька пьет.

Ну, пусть боженька. Только бы поели. Ежели завтра за малышами никто не явится, что я с ними делать буду? Завтрак готовить придется...

Детишки, кажется, потерялись. Однако — никаких слез. И маму не зовут. Странно.

Я сделала бутерброды, налила мелюзге кофе с молоком.

— Приступайте.

Кофе, конечно, — напиток богов, но можно ли давать его маленьким детям?.. Да ладно. Поздно. Не отнимать же. Вон как накнулись: голодные, бедняжки.

— Может, познакомимся? Детки, тетеньку — то есть меня — зовут Татьяна Александровна... значит, тетя Таня. А вас?

— Я Митя, — подал голос мальчуган. Его сестренка только посопела и вновь занялась бутербродами. — А это — Даша, сестра моя.

— Где же ваши родители?

Глупая пьяная женщина. Сначала накорми, а потом спрашивай.

— Папки нет...

И никогда не было. Дай детишкам поесть спокойно.

— А мамка... мамка у нас...

— Вы кушайте, кушайте.

— Мы в рай попадем! — громко, с набитым ртом, заявила девочка. — Там яблочки, хлебушек, ангелы и раба божия Машка с крылышками. И у меня крылышки отрастут. Только потом.

С порога — в два голоса — толкуют о рае. Веселая жизнь!

— И мама с вами в рай собралась?

Боже мой, Татьяна Александровна, что ж ты такая пьяная!

— Мамка — после, — сказал Митя. — Мамка говорила, скоро будет конец света, и кто его увидит, тот к боженьке не попадет, а только в ад. А чтобы к боженьке попасть, надо много молиться и хорошо себя вести. Мишка уже в раю.

— А ты откуда знаешь?

— Мамка говорила. Он много молился.

— И Мишка в раю, и Сонечка, — добавила Даша. — Там хлебушек и крылышки — как у голубей, из перышков, только большие и белые-белые.

— А маманя ваша, следовательно, решила посмотреть на конец света!

Устроить бы ей конец света! Напичкала малышей всякой ерундой.

— И как же вы, хорошие мои, собирались в этот самый рай попасть?

— Как Мишка, — доступно объяснил мальчик.

— А Мишка там как оказался?

Уж простите, детки, — непонятливая тетка попала.

Митя взглянул на меня исподлобья: «Вот пристала!» Его сестренка принялась рассказывать:

— Они сначала молились, все наши: Машка,

Мишка... потом Нина тетя-Олина... и там... А потом тетя Оля, и еще тетя Люба, Мишкина мама, и еще ба-
тюшка, и помощник завели их по одному в коридор
господень...

Куда?

Перебить девчущку я, однако, не решилась.

— Раньше там баня была — для всех...

Так детей в баню завели? Ну, это другое дело. А то
придумали какие-то «коридоры».

— ...а потом батюшка сказал, что это коридор гос-
подень и что через него в рай попадут... Их завели и
дали по просвирке, а нам с Митькой не дали, потому
что мы грешники, и бесовское отродье, и плохо себя
вели. Батюшка сказал, нам со всеми нельзя, нам сна-
чала надо грехи замаливать, а потом в рай. И через
коридор нельзя, а только где-нибудь в другом месте.
Вот. А после их заперли снаружи и соломой обложи-
ли. И все молиться начали...

Стоп!

Дети не потерялись. Их специально привели сюда,
чтобы... О господи!

— А нас мамка увела, потому что батюшка сказал,
что у нас помыслы греховные и мы святому делу ме-
шаем... Тетя Таня, а можно мне еще такого компота,
который боженька пьет?

Под компотом детка, надо полагать, подразумева-
ет кофе с молоком.

— Конечно, можно.

Я разлила кофе по чашкам.

— Значит, помыслы у вас греховные?

— Да, нам молиться много надо было, чтобы бо-
женька нас простил и к себе взял.

Так. Понятно. Теперь — понятно. Стало быть, та-
инственный «батюшка» наконец-то решил, что чада
сии достойны рая. И ненормальная мамаша со рве-
нием бросилась исполнять «божью волю».